

Антисказка

Ольга Орлова

Ольга Орлова
"Антисказка"

«Автор»

2026

Орлова О.

"Антисказка" / О. Орлова — «Автор», 2026

Аленку с детства учили быть хорошей: помогать, слушаться старших и никого не огорчать. Баба Яга быстро поняла, что такую помощницу не нужно держать на цепи. Достаточно воспользоваться ее страхом отказать. Проходят годы. За чужими поручениями Алена все реже слышит собственные желания. Неожиданным союзником становится огромный черный гусь Злобыш. Он знает старое колдовство, способное помочь ей уйти от Яги. Но ради свободы придется расстаться с частью себя. И еще неизвестно, хватит ли волшебства, чтобы перестать жить по чужой указке. «Антисказка» рассказывает о цене безотказности, страхе оказаться плохой и праве на собственную жизнь. Это сказка для тех, кому знакомо чувство вины за простое слово «нет».

© Орлова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. О двух Аленках и о том, как сказки путают следы	5
Часть вторая. Как черный гусь унес Аленку в лес	6
Часть третья. Жизнь в услужении и тайна Злобыша	7
Часть четвертая. Варка зелья и рождение двойника	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

"Антисказка"

Часть первая. О двух Аленках и о том, как сказки путают следы

В глухой деревне, на краю леса, жила девочка по имени Аленка. Растила ее бабушка — женщина строгая, работающая и уважаемая. С малых лет она учила внучку: будь доброй, на чужую беду отзывайся, старшим не перечь, лишний раз не отказывай, а если можешь помочь — помогай.

Но говорила она это не как ласковый совет, а как закон.

— Смотри, — говорила бабушка по вечерам, когда за окном уже темнело, а в печи оседал жар. — Легче всего жить для себя. А ты так не живи. Человека по тому помнят, сколько от него было пользы. Хороший он или нет — не сам про себя решает. Это люди потом скажут.

И, помолчав, добавляла:

— А кто только себя слушает, тот быстро пустеет.

Маленькая Аленка слушала и кивала.

Она еще не знала, что пустеют иногда совсем иначе — не от себялюбия, а от того, что слишком долго живут на раздачу.

В той же деревне, только раньше, жила другая Аленка.

Про нее бабушка любила рассказывать, как о примере. Будто сказку с поучением.

Та, первая, выросла такой отзывчивой, что в большом городе ее знали все. К ней шли за помощью, за советом, за поддержкой. Она никому не отказывала. Утешала, спасала, подменяла, выручала. И так привыкла быть нужной, что однажды от нее самой осталась одна только эта нужность.

В деревне потом говорили:

— Хорошая была.

И говорили это с уважением.

Но шепотом прибавляли и другое:

— Только будто не жила. Будто вся другим раздала себя, а себе ничего не оставила.

Эту часть бабушка обычно не подчеркивала. Ей больше нравилось слово «хорошая».

А лес все слышал.

И когда маленькая Аленка, уже наученная быть удобной, вежливой и полезной, пошла однажды за грибами к самой опушке, лес узнал ее сразу.

Потому что он уже однажды видел, чем кончают такие девочки.

И баба Яга, жившая в самой чаще, тоже узнала.

Часть вторая. Как черный гусь унес Аленку в лес

В той чаще, куда и днем не всякий решался зайти, стояла избушка на курьих ножках. Жила в ней баба Яга.

Была она не просто злая, как о ней рассказывали в деревне, а старая, умная и очень внимательная к человеческой слабости. Она не любила прямых и упрямых, с такими много шуму. Зато тех, кто боялся обидеть, привык терпеть и жил с вечным «надо», Яга чуяла издалека.

Такие люди были ей особенно любы.

Потому что тем, кто не умеет сказать «нет», и цепей не нужно.

Однажды выглянула Яга в свое кривое оконце и увидела на тропе девочку с корзинкой. Та шла, разгребала палкой листву, искала грибы и что-то тихонько напевала себе под нос.

Ладная была девочка. И лицо у нее было такое, какое бывает у детей, привыкших сперва думать о других, а уж потом о себе.

— Вот бы мне такую помощницу, — сказала Яга.

Но захотела она Аленку не потому, что ослабела и помощи ей стало не хватать. Нет. Работать Яга и сама умела. Просто нравилось ей смотреть, как живая душа понемногу отвыкает от собственной воли. Нравилось, как человек сначала морщится, потом терпит, потом привыкает, а потом уже и не помнит, что можно жить иначе.

Это было ее любимое колдовство.

Позвала Яга своего верного слугу — черного гуся по имени Злобыш.

Гусь тот был огромный, чернее болотной воды ночью, с тяжелым клювом, сильными крыльями и красными глазами. Много лет он служил Яге: стерег избушку, распугивал чужих, таскал что прикажут. И хотя с виду был гусь как гусь, только страшный, ум у него был не птичий.

— Ступай, — велела Яга. — Принеси мне девочку с тропы.

Злобыш глянул в окно. Потом на Ягу. Потом снова в окно.

Но спорить не стал.

Поднялся над лесом черной тенью, налетел внезапно, подхватил Аленку и понес над вершинами сосен.

Девочка кричала, звала бабушку, роняла грибы, тянулась к земле — да где там. Лес был глухой, небо высокое, а лапы у гуся — железные.

Так и принес он ее к избушке на курьих ножках.

Яга встретила их на пороге, словно дорогих гостей.

— Не бойся, девочка, — сказала она ласково. — Работы у меня много, а добрые руки всегда в цене.

Аленка дрожала, но кивнула.

Она и в самом страхе не умела не быть вежливой.

Часть третья. Жизнь в услужении и тайна Злобыша

С тех пор и стала Аленка жить у бабы Яги.

Сначала думала: потерплю, а потом сбегу. Потом — еще немного, и, может, Яга подберет. Потом — раз уж я здесь, надо хотя бы не сердить хозяйку.

Так и втянулась.

Что ни прикажут — все сделает. Печь растопит. Зелье сварит. Ночные травы соберет. Воду из болотного омуты принесет. Чужие просьбы выслушает. И не потому, что хотела. А потому, что внутри у нее каждый раз поднимался один и тот же старый страх: если не сделаю, если откажу, если скажу «не хочу» — случится что-то страшное. Обидятся. Накажут. Осудят. Разлюбят.

А к Яге люди ходили разные.

Кто с горем — болезнь отвести, страх унять, ребенка уберечь. Кто с завистью — счастье чужое отнять, мужа вернуть, соседке навредить. Яга принимала всех и почти никому не отказывала.

Только помощь ее была такая, что беда не уходила, а меняла обличье и возвращалась позже.

Аленке это не нравилось. Особенно когда приходилось помогать в дурном деле. Но она молчала.

Потому что не умела иначе.

Год шел за годом.

Девочка выросла, стала девушкой, и Яга стала звать ее уже не Аленкой, а Аленой — будто с новым именем легче было отрезать прежнюю жизнь.

Больше всего Алене нравилось уходить в лес собирать травы, слушать воду, дышать хвоей, идти туда, где не было ни котлов, ни просьб, ни Ягиных глаз. Там она чувствовала себя почти живой.

Злобыш ходил за ней тенью. Больше не пугал. Иногда шипел, если она тянулась не к той траве. Иногда крылом указывал, где искать нужную. Он был странным товарищем — суровым, молчаливым, с тяжелым взглядом. Но рядом с ним Алене было легче, чем с людьми.

Может потому, что он ничего от нее не требовал.

А Яга наблюдала.

И видела, как из Алены понемногу уходит радость. Как все реже она смеется. Как все чаще смотрит в окно. И это Яге не нравилось.

Потому что человек, который начал замечать свою тоску, однажды может захотеть от нее уйти.

Однажды Яга улетела на дальние болота за особой тиной для темного дела. День был серый, ветреный. Избушка поскрипывала, будто ворчала во сне.

Алена сидела у стола и перебирала сушеные травы. Руки работали, а взгляд был пустой.

Злобыш долго ходил по избе, царапая пол когтями. Потом остановился у печи, прокашлялся по-гусиному и вдруг сказал человеческим голосом:

— Так и сгинешь.

Алена выронила пучок зверобоя.

— Что?..

— Так и сгинешь, — повторил Злобыш. — Тихо. Без крика. Без следа. Станешь делать, что велют, и однажды тебя вовсе не останется.

Алена смотрела на него, не дыша.

— Ты... говорить умеешь?

— Умею, — буркнул гусь. — Просто раньше нужды не было.

И, переступив с лапы на лапу, заговорил уже медленнее:

— Есть у Яги один старый рецепт. Для отделения. Можно вынуть из себя то, что держит тебя на привязи и сделать двойника. Не всю душу вынуть, нет. Только часть. Но часть эта уйдет навсегда. Обратно не вернешь.

Алена побелела.

— А если без этой части я стану хуже?

— Может, и станешь, — ответил Злобыш. — Но губит тебя не доброта. И не сердце мягкое. Губит тебя то, что ты каждому готова отдать себя целиком, лишь бы не рассердить.

Алена опустила глаза.

Она и сама уже знала это, только назвать не умела.

С той ночи стала она думать, что в ней живет и что именно держит ее у Яги крепче всякой веревки.

Не доброта — без нее она стала бы похожа на старуху.

Не жалость — от жалости, хоть и больно, все же идет тепло.

Не забота.

Не мягкость.

Лишь на седьмую ночь, у лесного ручья, когда вода уносила опавшие листья, слово пришло само.

Угодливость.

Не любовь к людям — страх им не понравиться.

Не готовность помочь — привычка забывать себя, лишь бы всем было удобно.

Алена прошептала это слово, и ей стало так страшно, будто она впервые назвала вслух имя своей тюрьмы.

Злобыш сидел рядом и молча слушал.

Потом коротко кивнул.

— Наконец-то.

Часть четвертая. Варка зелья и рождение двойника

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.